

Три шепотки поэзии В похлебку будней

Тьерри Казальс

кола в неблагополучном районе. Входишь в класс, и сжимается сердце. На тебя смотрят дети, которых жестоко бьют родители. Обритый наголо парень (его только что откачали от наркотической комы, а он храбрился: «Стрёмно — ни о чем думать не надо!»), рахитичная девочка (да-да, настоящий рахит — в Париже, в наши дни!). Перед самым входом в школу идет обмен порнографическими открытками. Дети чуть ли не бросаются под колеса машин, будто смерть для них — пара пустяков. Я не преувеличиваю, все это — где больше, где меньше, — существует на самом деле, здесь и теперь. И не просто существует, а, что самое ужасное, считается чем-то вполне обычным, почти нормальным. Педагоги всеми средствами, главным образом дисциплинарными, пытаются усмирить стихию. Но чаще всего лишь загоняют болезнь внутрь.

Первое, что поражает в этих детях, не грубость и жестокость, о которых так много говорят и пишут, а отсутствующий взгляд, полное невнимание. На вопрос, что они видели и слышали по пути в школу, ученики пожимают плечами или вызывающе отвечают: «Да ничего!» Никакие лишения не могут сравниться с этим. У человека атрофированы чувства, он ко всему равнодушен, ничего не воспринимает, ему нечем поделиться. Единственные каналы связи с миром — бубнящий без умолку телевизор и крикливая реклама...

Мне кажется, поэзия прежде всего должна возрождать в детях чувство укорененности в естестве, вкус к простым радостям жизни. Именно этому служит искусство хокку (хайку), японских трехстиший. Поначалу детей удивляет и даже озадачивает такая поэтическая форма, в ней все очень вещественно и в то же время загадочно. В хокку нет никаких украшений, никаких цветистых рифм, они выражают подлинное впечатление прожитого мига. Каждая мелочь приобретает особое значение: камень, травинка, еще зеленые листья на упавшем дереве...

Помню, одна девочка боялась прикоснуться к островку мха на стене. Ей казалось, что он живой и укусит ее за палец. Я помог ей преодолеть этот страх, а позже она написала:

**Зеленый мох
Как шелк
И не тускнеет.**

Бросишь три шепотки поэзии в похлебку будней — и все преобразуется, все становится важным, обретает свой голос, свою цену, не совпадающую с рыночной. Пусть дети поймут: для того, чтобы жить полной жизнью и быть в ней заметным, не обязательно все время покупать, потреблять и обладать, участвуя в вечных гонках и заведомо проигрывая. Сокровища поэзии доступны всегда и всем без исключения. Стоит только заглянуть в собственную душу — вот где бьет неиссякаемый родник.

**Морские ракушки блестят
В пакете
У моей кровати,**

— написал один мальчик.

**У меня на лице
Гаснет радуга,
А ты не видишь...**

— сочинил другой.

Далеко не всегда жизнь бывает радужна. Однажды я пришел в класс «усиленной педагогической поддержки» школы 18-го округа и с порога понял, что мне придется туго. Дети не способны слушать дольше пяти секунд. Внимание на нуле. Учительница пристроилась в уголке проверять тетрадки и пустила все на самотек. Я один посреди бушующего моря. Кричать, угрожать бесполезно — будет только хуже. Выгнать из класса самых отпетых? Им только того и надо, чтобы утвердиться в роли антигероя или жертвы. Нет, атаковать дракона в лоб не стоит, лучше применим прием поэтического дзюдо. Раз буйство, хаос, ярость не сломить, послушаем их голос...

Я делал последнюю попытку и пишу на доске японскую поговорку: «Каждый день — прекрасный день». Поворачиваюсь к классу и спрашиваю: «А что портит сегодняшний день?» На секунду дети ошеломленно замирают, а потом ответы сыплются со всех сторон: война-злора-ненависть-унижения-наказания-несчастья-смерть-могила...

Я еле успеваю записывать — на доску изливается все, что терзает души учеников. Да, нечего сказать, мир в их глазах не глянцевая картинка. Все эти дети, а им нет и десяти лет, ощущают дыхание смерти. Что же делать? Залеплять открытые раны благостными стишками?

И вдруг я вижу у стены пластмассовый скелет в полный рост. Он пялится на меня пустыми глазами. И, не очень понимая сам, что говорю, я предлагаю детям написать хокку про это странное соседство. В классе мгновенно становится тихо. Все усердно пишут — прямо средневековый скрипторий. Прохожу между рядами, заглядываю в тетради — чудо! Пронзительная нежность, тонкий юмор, глубокие мысли... Учительница не верит своим глазам. Куда девались ее дикари и лоботрясы? Перед ней мыслители, обдумывающие одну из самых непостижимых тайн бытия — тайну жизни и смерти. Я тоже с трепетом вглядываюсь в серьезные детские лица. К сожалению, из всего, что было тогда написано, я могу привести лишь один образчик:

**Скелет —
Он с нами каждый день.
Он тоже личность.**

Остальное пропало. Учительница послала мне листки по почте, а они не пришли. У хаоса железная хватка, он не так легко выпускает из лап добычу. Но я навсегда запомнил тот прекрасный урок.

Я убежден, задача школы — не только передавать знания и навыки. Как говорил Монтень, «воспитывать значит не наполнять сосуды, а зажигать огонь». Огонь внимания, огонь удивления, огонь чуткости к каждой минуте... Действительно ли мы сами проживаем свою жизнь или довольствуемся шаблонными рецептами? Как далеко готовы мы зайти в поисках себя? Трудные дети не признают полумер. Когда они отбрасывают шутовство, за которым прячут тревогу и страх, сила их эмоций потрясает.

Фото из журнала
«Нувель обсерватёр»

Одного мальчика из того же класса я попросил погладить кору одинокого дерева, которое росло посреди двора, и вот что он написал:

**Когда я прикасаюсь
К дереву,
Я будто умираю.**

Поэзия не наука. Ей интересно не копирование образцов, а спонтанные, непредсказуемые всплески. Поэтом попытка систематизировать ту или другую поэтическую методику не имеет смысла. И все же, можно ли улучшить нашу образова-

перед угрозой планетарных катастроф, отгораживать друг от друга биологию, экологию, географию, экономику, философскую мысль и гражданское сознание? XXI век будет интегральным — или его не будет вовсе. Тело, эмоции и мысли каждого из нас тесно переплетены. Вот и в поэзии участвуют не только слова и образы, но и дыхание, и глубинные корни, и телесные ощущения. Как научить ребенка красоте поэтического текста, если все, что имеет отношение к красоте, исключено из нашей культуры и повседневности? Еще в 1948 году Альбер Камю

писал: «Мы отворачиваемся от природы, стыдимся красоты. Мир лишился того, что составлял его непреложность: природы, моря, гор, вечерних раздумий». Я верю в педагогические способности лунной ночи, радуги, дождя с градом. Восстанавливая связь с космосом, мы возвращаем себе свое человеческое достоинство. Так надо ли отравлять освоение инструментов языка (орфографии, синтаксиса) от внутренней потребности этими инструментами воспользоваться? Убожество выражений сужает интерес к жизни. Был у меня один класс в Париже, где ни один ученик не знал, что такое древесная почка! И понятно, почему: никто из них не видел вблизи цветущее дерево... Вот символ того, о чем я говорю. Сколько раз, разбудив в детях способность удивляться, свежесть взгляда, я был свидетелем того, как из-под их пера вылетают утонченные слова и выражения, дремавшие, значит, где-то в глубинах их существа...

Дети не только наше будущее. Они — зеркало нашего настоящего. Они как губка вбирают без разбора все достижения и все болезни нашей цивилизации. Пытаться «воспитать» детей, не пытаясь параллельно переродить, обновить устройство общества, — пустая затея. Корни и листья дерева питаются одними соками...

Хотелось бы сказать напоследок что-нибудь обнадеживающее. Однажды я попал в особенно серую и захудалую школу. Что-то вроде детской богадельни. Но и тут теплились живые искры. Я предложил двум десяткам детишек подумать и сказать, кто они на самом деле. И один мальчонка-африканец с горящими глазами прошептал имя, которым хотел бы называться: «Душа холода».

Тьерри Казальс — доктор социологии, журналист, в последние несколько лет ведет творческие мастерские поэзии в парижских школах и библиотеках. Об этом он рассказывает в статье, опубликованной нынешним летом в журнале «Нувель обсерватёр».